

WORLD CLASSICS BOOKS

НИКОЛАЙ
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

ПРОЛОГ

Москва
T8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Ч-49

Чернышевский, Н.Г.

Ч-49 Пролог / Н.Г. Чернышевский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 646 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76770-0

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Николая Рериха «Гималаи», Karnataka Chitrakala Parishath, Бангалор, Индия.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-76770-0 © Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПРОЛОГ ПРОЛОГА.....	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	77
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	127
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	195
ГЛАВА ПЯТАЯ	253
ГЛАВА ШЕСТАЯ	279
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	339

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИЗ ДНЕВНИКА ЛЕВИЦКОГО ЗА 1857 ГОД.....	377
МАЙ	379
ИЮНЬ	397
ИЮЛЬ	453
АВГУСТ	499

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ ПРОЛОГА

*Посвящается той, в которой будут
узнавать Волгину*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Было начало весны 1857 года. Весь образованный Петербург восхищался прекрасным началом своей весны. Вот уже третий день погода стояла не очень холодная, не совсем пасмурная; иной час даже казалось, будто хочет проясняться. Как же не восхищался бы образованный Петербург? Он был прав, если судить его чувство по петербургским понятиям о весне.

Но, восхищаясь весной, он продолжал жить по-зимнему, за двойными рамами. И в этом он был прав: ладожский лед еще не прошел.

* * *

Часу в двенадцатом утра по солнечной стороне Владимирской площади, в направлении к Невскому, шли смуглая дама и бледноватый мужчина с плохой рыжею бородою. Они были жена и муж. Мужу было лет двадцать восемь или тридцать. Он был некрасив, неловок и казался флегматиком. Тускло-серые глаза его, в золотых очках, смотрели с тихою задумчивостью на жену. Жена весело смотрела вперед, беззаботно опираясь на руку своего спутника, и, по-видимому, очень мало думала о нем. Но заметила, что он не спускает с нее глаз, улыбнулась, сказала: «В три года все еще не нагляделся» — И опять перестала обращать внимание на него.

— Твоя правда, голубочка, — вяло согласился муж, поймавший; вздохнул и сказал: — А знаешь ли, о чем я думал, голубочка? Когда ж это будут у тебя свои лошади?

— Довольно смешно вздыхать, мой друг. Теперь мы живем хорошо; со временем будешь получать больше. Тогда куплю себе и лошадей. А пока отучайся не спускать с меня глаз: это забавно.

— Твоя правда, голубочка, — отвечал он и стал рассеянно глядеть по сторонам. Через минуту сострадательно усмехнулся.

Навстречу шел студент с длинными, гладкими, светло-русыми волосами, тоже некрасивый и неловкий, как и спутник смуглой дамы, тоже несколько сторбленный, только в нем это было гораздо заметнее, потому что он был очень высокого роста, тоже бледноватый, тоже с тускло-серыми глазами, тоже в золотых очках. Он пристально смотрел на смуглую даму, и лицо его оставалось спокойно, холодно. Потому-то муж смуглой дамы и не мог удержаться от сострадательной усмешки: наконец-то нашелся человек еще хуже его самого. Еще юноша, и такая рыбья кровь! Муж смуглой дамы не знал, более ли смешон или более жалок ему этот студент.

— Чрезвычайно умное лицо у этого молодого человека, — сказала смуглая дама, когда студент прошел. — Необыкновенно умное лицо.

Муж подумал. Точно, лицо студента было не только холодно, но и умно.

— Правда твоя, голубочка. Должно быть, умный человек. Но бездушное существо, хуже меня.

— Почему же? Не влюбился в меня?

— Не смейся, голубочка, — отвечал муж, — это моя правда.

— Ты забавный человек, мой друг, — сказала жена, засмеявшись.

— Вовсе не я, голубочка, разве я сам думаю? Вовсе не сам; ты знаешь, я говорю это больше по слуху, чем сам. Все говорят мне. Чем же я виноват? — вяло возразил он. — Я тут посторонний человек; я говорю по чужим словам. А чужое мнение в этом надобно считать справедливым. Что правда, то правда.

— Перестань, мой друг, надоел.

— Ну, хорошо, голубочка, — согласился он и замолчал.

Через минуту начал мурлыкать нараспев, сначала про себя, потом слышнее и слышнее, неслыханным и невозможным ни в какой музыке мотивом: «Как у наших у ворот — ай, люли, у ворот, — стоял девок хоровод — ай, люли, хоровод». Он был глубоко убежден, что изумительный мотив не был его собственным сочинением.

— Перестань, мой друг, — заметила жена. — Ты, кажется, забыл, что ты идешь не один.

— А, точно, голубочка, — согласился он и несколько сконфузился.

Зная достоинство своей вокализации, он вообще занимался ею только для собственного удовольствия. Кроме того, жена убеждала его, что идти по улице и напевать — смешно, и он постоянно желал помнить это.

— С тобою стыд и смех, мой друг.

— Ну так что же за важность, голубочка, — с философским спокойствием отвечал он и стал с усиленным усердием глядеть по сторонам, чтобы опять не замурлыкать по рассеянности. — Знаешь ли что, голубочка? — начал он

через минуту. — Ты отпустила бы меня. Уверяю, отпустила бы — ну, что же не отпустить? Прогулялся довольно. А ты сама купишь мне перьев. Уверяю, купишь. А то в другой раз: у меня еще есть несколько.

— Как тебе не совестно? Прошел двадцать шагов и уверяет, что довольно!

— Не двадцать, голубочка, а двести или гораздо больше. Уверяю.

Жена оставила это уверение без всякого ответа.

— Ну, что же, голубочка? Я только так сказал, а я иду с удовольствием. Уверяю. Как же? Разве я не понимаю, что ты принуждаешь меня только для моей же пользы, а не то что тебе самой приятно, что я иду с тобою.

— Если понимаешь, то зачем же сердись? С тобою больше скуки, чем с Володею.

— Видишь ли, голубочка, ты делаешь это потому, что думаешь, будто вредно, что я все сижу. Но я не все только сижу, я тоже и лежу. Зачем же мне ходить?

Рассуждение не было лишено основательности. Но жена только промолчала на него. Муж глубоко вздохнул и опять стал глядеть по сторонам с апатиею, не совершенно соответствовавшею тяжести страдания, выраженного вздохом.

По одну сторону была мелочная лавочка, дальше вывеска сапожника, дальше ничего замечательного. По другую сторону — тротуарные тумбы, голубая извозничья карета, опять тумбы, тумбы, тумбы... Дальше, с этой стороны все то же: тумбы, тумбы; с той — лавочка, лавка, лавочка, прекрасный подъезд с резными дубовыми дверьми, с бронзою.